

Государственные дела требовали столько сил, что от них можно было безвременно облысеть, зато на поприще боевых искусств успехи молодого человека превосходили все ожидания.

По мере того как внутренняя энергия Чжао Цзи росла не по дням, а по часам, однажды глубокой ночью он без малейшего труда, легким и изящным движением взлетел под самый потолок и устроился на опорной балке. Так, без всяких наставников, он самостоятельно освоил уникальный цингун, который окрестил про себя подпрыгивание.

И на этом его развитие не остановилось. Вскоре он уже мог одной рукой приподнимать тяжеленный книжный шкаф или шутя крошить в ладони булыжники величиной с кулак.

Иногда, правда, его одолевали смутные сомнения. Неужели эта его «внутренняя сила» не слишком чудовищна для обычного человека?

Но стоило подобным мыслям закрасться в душу, как память услужливо подсовывала популярные в его прошлой жизни интернет-ролики, где некий даосский мастер Ли играючи сигал с пятнадцатиметрового обрыва.

"Так что... все в пределах нормы. Наверное".

Когда развитие внутренней энергии вошло в стабильное русло, Чжао Цзи принялся за тренировку физических техник, описанных в древнем трактате.

С виду эти упражнения казались простыми, но заставить человеческое тело гнуться подобным образом было делом крайне мучительным. Честно говоря, это напоминало суровую смесь йоги и акробатики.

Но Чжао Цзи не привык отступать перед трудностями! Еще в университете, когда ему не досталось места в секции баскетбола, он был вынужден записаться на йогу в качестве факультатива. Так что гибкости ему было не занимать. Каждую ночь он упорно осваивал новые позы, раздвигая границы возможностей своего тела. И, к собственному удивлению, не чувствовал усталости — напротив, процесс его невероятно захватывал.

Среди этих однообразных будней произошло знаменательное событие: Чжан Дунь наконец вышел из своего добровольного затворничества, ведя за собой целую армию чиновников с глубокими темными кругами под глазами от недосыпа.

Канцлер принес «радостную весть» о начале всеобщей аттестации для чиновников Кайфэна, а вместе с ней — драконовские правила проведения экзамена и пугающе толстые стопки опросных листов.

И первое испытание началось с невероятным размахом.

Хотя Чжао Цзи заранее повелел пустить в кулуарах слух о грядущей проверке знаний, умудренные опытом государственные мужи не придали этому значения. Кто из них не карабкался по карьерной лестнице через сито бесконечных экзаменов? За исключением тех немногих, кто успел раздобыть готовые билеты и зазубрить ответы, большинство чиновников полагали, что им, как обычно, достаточно набросать пару витиеватых эссе на отвлеченные темы, чтобы удовлетворить комиссию.

Блаженное неведение продолжалось ровно до тех пор, пока император не приказал распахнуть двери огромного Зала Великого Торжества, способного одновременно вместить до десяти тысяч человек. Большинство экзаменуемых пребывали в полной прострации. И лишь когда им раздали экзаменационные листы, буквально сочащиеся ядом и изощренным коварством Чжан Дуня и Чжао Цзи, чиновники впервые воочию столкнулись с истинной жестокостью этого мира.

— О небо! Что это вообще за вопросы?! «Утверждает ли Уложение Великой Сун, что за кражу кур или уток полагается наказание бамбуковыми палками? Является ли данное утверждение верным?» Наверное... Наверное, верным?

— «В Министерство доходов недавно приняли троих писцов. Двое из них сильны в составлении указов, один — в счетоводстве. Первый писец заявляет, что второй силен в составлении указов. Второй утверждает, что третий силен в счетоводстве. Третий уверяет, что сам силен в составлении указов. Из троих лишь один сказал правду. Вопрос: кто именно говорит правду?» Да откуда мне, к чертям собачьим, это знать?!

— «Опишите периоды паводков на главных реках Великой Сун и предложите действенные меры по борьбе с наводнениями».

— «В случае возникновения мятежа на землях государства Ляо, какие шаги должен предпринять чиновник Министерства ритуалов, дабы усугубить смуту на вражеской территории?»

Рассаженные по ведомственным секторам чиновники сжимали в дрожащих руках опросники, составленные специально для их министерств, и горько сомневались в смысле своего существования.

Опустим детальное описание этого интеллектуального побоища. Так или иначе, первая аттестация с грандиозным — во всех смыслах этого слова — шумом подошла к логическому завершению.

Сотрудники Палаты экзаменов, впервые столкнувшиеся с подобным методом проверки, проявили редкую расторопность. В кратчайшие сроки они проверили работы, отобрали лучшие свитки и доставили их прямо к императорскому столу.

Чжао Цзи принялся просматривать свитки согласно рейтингу. Первая и вторая работы его не впечатлили, но когда он развернул третью, его глаза удивленно округлились.

Каллиграфия этого безвестного кандидата была невероятно хороша. В каждом штрихе чувствовалась твердая рука, уверенность и удивительная легкость. Но под этой легкостью сквозила неудержимая, острая, словно лезвие клинка, решимость.

Редкий шедевр!

Сам Чжао Цзи, не умея подражать каллиграфическому гению прежнего владельца тела, упорно ссылался на застарелую травму руки и почти ничего не писал сам. Однако его эстетическое чутье было развито превосходно.

Пораженный столь изысканным почерком и пользуясь своим положением абсолютного монарха, он без колебаний сорвал защитную полосу бумаги, скрывающую имя автора.

Но когда имя предстало перед его взором, Чжао Цзи застыл, погрузившись в глубокий экзистенциальный кризис.

На свитке красовались три четких иероглифа: Ли Сюньхуань.

"Ли Сюньхуань?"

"Третье место? И зовут его именно Ли Сюньхуань?"

Долгое время император сидел неподвижно, тупо уставившись на свиток. Наконец он медленно повернул голову к стоявшему неподалеку евнуху и хрипло спросил:

— Тебе знакомо имя Ли Сюньхуаня?

Вопрос был задан мимоходом, но маленький евнух тут же заговорил без умолку:

— Разумеется, Ваше Величество! Кто же не знает господина Ли, призера имперского экзамена? Семь цзиньши из рода Ли, отец и сыновья — три таньхуа! Об этой славной семье в столице до сих пор слагают легенды. К тому же до ничтожного слуги доходили слухи, будто господин Ли невероятно искусен в боевых искусствах и его имя громко звучит в цзянху.

Чжао Цзи деревянно переспросил:

— В цзянху? В мире боевых искусств?

Слуга, не умея разгадать эмоций на лице повелителя и испугавшись, что разгневал его, поспешно попытался сгладить углы:

— Всего лишь жалкие разбойники и бродяги, Ваше Величество. Не стоит обращать на них внимания.

Чжао Цзи промолчал.

"Кажется, с этим миром определенно что-то не так".

Несмотря на легкую панику, в его душе все еще теплились сомнения. Он смутно помнил строки из прочитанных в прошлой жизни романов: «Отверг высочайшую милость, отказался от службы и ушел скитаться во имя братского долга...» Если это действительно тот самый Малютка Ли, то почему он до сих пор в столице? По логике вещей, он должен был получить звание таньхуа еще на прошлых экзаменах, со скандалом покинуть двор и отправиться бродяжничать. Зачем ему сдавать эти безумные новые тесты?

Или он тоже попаданец? И весь этот шум с экзаменами затеял лишь для того, чтобы привлечь внимание других выходцев из современного мира?

Мысли в голове императора путались. Наконец, устав от бесплодных догадок, он решил, что проще всего будет лично допросить виновника своего беспокойства.

Он с силой хлопнул ладонью по столу:

— Немедленно доставить Ли Сюньхуаня ко Мне!

После этого приказа Чжао Цзи томился в ожидании почти три часа. Наконец в покои вбежал запыхавшийся слуга. Лицо маленького евнуха было бледным от страха:

— Докладываю Его Величеству: господин призер Ли покинул усадьбу сегодня на рассвете. Ныне его местонахождение неизвестно.

Сбежал? Неужели в Поднебесной нашелся чиновник, который посмел скрыться, когда сам император призывает его пред свои очи? Да за такое его следует немедля лишить всех чинов и званий! И вовек не принимать на службу!

Конечно, эти яростные мысли были лишь способом выпустить пар. На деле же у Чжао Цзи пропало всякое желание возиться со скучными императорскими докладами. Голова его шла кругом от размышлений о таинственном Ли Сюньхуане.

Нет, здесь явно крылось что-то иное. Даже если допустить, что этот человек — такой же

попаданец, как и он сам, и благодаря нечеловеческим усилиям смог сдать самый сложный дворцовый экзамен на звание таньхуа... Но как он заставил подыграть целую семью? Чтобы закосплеить знаменитого героя, он что, заставил родного отца и братьев тоже сдать экзамен на таньхуа? Полный абсурд, лишенный всякой логики.

Но если этот человек — Малютка Ли, легендарный мастер летающего кинжала, то нестыковка становилась еще масштабнее. Разве время жизни Ли Сюньхуаня не приходилось на эпоху другого императора? Они ведь принадлежат к совершенно разным историческим периодам! Как он вообще здесь очутился?

Эти вопросы роились в голове Чжао Цзи, лишая его покоя. Каждая новая догадка лишь сильнее запутывала клубок противоречий. В бесплодных размышлениях пролетел ужин, и вот уже старший евнух тихонько приблизился, напоминая, что Его Величеству пора ко сну.

Мысли Чжао Цзи пребывали в полнейшем хаосе. Имя Ли Сюньхуаня вытеснило из его разума все остальное.

Оказаться внезапно в абсолютно чужом мире, среди незнакомых людей, да еще и узнать, что жить тебе осталось считанные годы... Кто бы на его месте не поддался страху? Конечно, ему было страшно. Но вместе с тем он понимал: раз уж судьба подарила ему второй шанс, глупо безвольно плыть по течению. Стоило бросить вызов небесам и побороться за эту жизнь.

Пусть даже покорность судьбе гарантировала бы ему еще несколько лет относительно спокойного увядания, а сопротивление грозило ежеминутной опасностью погибнуть — он без колебаний выбирал борьбу.

И надо же было такому случиться, что именно сейчас на сцене возник этот загадочный Ли Сюньхуань.

Так кто же он, Чжао Цзи? Император Великой Сун, обреченный войти в историю как ничтожный правитель, растерявший свои земли? Или он — просто блеклый, незаметный статист на страницах грандиозного приключенческого романа?

Этот вопрос был жизненно важным.

Ему до боли, до зуда требовался ответ.

Кое-как умывшись, он улегся в постель и уставился на лимонно-желтый балдахин. До его слуха — обострившегося благодаря внутренней силе до такой степени, какая обычному человеку и не снилась — доносился тихий, мерный стук талой воды, капающей с крыши на землю. Но напряжение в разуме лишь нарастало.

Сердце колотилось в груди так отчаянно, словно вознамерилось пробить ребра и выпрыгнуть

наружу.

И посреди этого вихря сомнений Чжао Цзи вдруг осенила безумная, дерзкая мысль: бежать из дворца. Раз гора не идет к Магомету, Магомет сам пойдет к ней. Раз он не может призвать Ли Сюньхуаня во дворец, он найдет его сам. Мы лично докопаемся до истины!

В прежние времена подобная затея показалась бы ему чистым безумием. Но теперь Чжао Цзи владел тем самым новоприобретенным навыком высотных прыжков. Пусть стены императорской обители и высились грозной преградой, с его новой силой проскользнуть мимо стражи и перемахнуть через них не составило бы особого труда.

Если взглянуть на карту дворца, южнее ворот Сихуа и Дунхуа находился внешний двор. Охрана там была свирепой, к тому же в министерствах частенько ночевали дежурные чиновники. Сам же он сейчас почивал в Зале Почтения к Правлению. Если прокрасться через задний выход, обогнуть Зал Продленной Гармонии, то можно выйти прямо к Воротам Полярной Звезды. Эти ворота были относительно невысокими, через них обычно сновали слуги, выполнявшие самую грязную работу. Говорили, что по ночам, когда золотари вывозили нечистоты, Ворота Полярной Звезды ненадолго отпирали.

Но если он решится на этот шаг, ему понадобится надежное прикрытие — кто-то простодушный, лишенный боевых навыков и способный невольно замаскировать его отсутствие. А еще нужна была неприметная одежда.

Роль идеальной ширмы могла сыграть одна из наложниц. Если бы он спал один, дежурные евнухи устроились бы на коленях прямо за шелковым пологом императорского ложа, и его исчезновение обнаружили бы в ту же секунду. Но когда правитель разделял ложе с женщиной, слуг выставляли за дверь покоев. Улизнуть в таком случае становилось куда проще.

С живой ширмой все определилось, оставался вопрос с одеждой.

Императорские одежды отпадали сразу. Халат евнуха — слишком приметный. Наряд дворцовой служанки подходил идеально. Но была неувязка: Чжао Цзи имел привычку отсылать служанок на ночь глядя. Если он вдруг позовет девицу сейчас, это породит массу ненужных слухов. А если он просто выйдет в ночной полумрак в своем парадном одеянии, за ним тут же увяжется толпа телохранителей, что сведет шансы на побег к нулю.

Попытайся он сбежать напролом, и уже наутро весь Кайфэн только и будет обсуждать сенсационную новость о том, как Сын Неба в драконьем халате скакал по крышам гарема.

Значит, нужно начать с евнуха. Облачиться в его платье, проскочить в покои к одной из наложниц, пока никто не опомнился. Там пригвоздить точным ударом и хозяйку, и ее служанку, переодеться в женское платье и преспокойно покинуть дворец.

От подобных мыслей глаза Чжао Цзи лихорадочно заблестели.

"Решил — действуй!"

Он бесшумно соскользнул с ложа, раздвинул тяжелые занавеси и цепко схватил одного из дежуривших слуг, чье телосложение и рост примерно совпадали с его собственными. Опешившему евнуху было велено немедленно раздеться.

Чтобы не разрушать образ эксцентричного правителя, Чжао Цзи время от времени выкидывал разные чудачества, изводя прислугу своими капризами. Евнухи давно привыкли к его внезапным причудам. И хотя требование Сына Неба отдать одежду выглядело запредельно дико, несчастный слуга не посмел возразить ни слова и покорно стянул с себя халат.

Облачившись в простое платье, Чжао Цзи решительно направился к выходу. За его спиной тут же зашуршал целый шлейф встревоженных слуг.

Император резко обернулся и гневно сверкнул глазами:

— Мы направляемся в покои наложницы Го! Не смей следовать за Нами!

Оставив слугам зацепку, где его искать в случае чего, Чжао Цзи сохранил безупречную осанку и... рванул с места со всей прытью, на какую был способен.

Оставшиеся позади слуги обомлели и бросились следом, но куда там! Оказалось, что Его Величество несется быстрее испуганного зайца. Догнать его было решительно невозможно. Пытаясь настичь своего венценосного беглеца, несчастные евнухи в панике напрочь позабыли доложить страже или предупредить старших дворцовых управителей.

Сверившись с внутренним компасом, Чжао Цзи помчался вглубь гарема, направляясь к обители Чуньлань — единственной наложницы, чье имя и нрав он сумел отчетливо зафиксировать в памяти.

Чуньлань не зря была подсунута Чжао Цзи вдовствующей императрицей Сян. Эта девица умела не только очаровательно капризничать и строить глазки, но и отличалась редкой, поистине безудержной удалью в делах плотских.

Лишь много позже Чжао Цзи случайно узнал, что его предшественник свалился в реку исключительно из-за того, что, катаясь на лодке, внезапно воспылил страстью к Чуньлань и затеял любовные игры прямо на воде. Не рассчитав баланса в столь пикантной позе, незадачливый монарх и ухнул в холодные волны.

Будучи столь отчаянной героиней, готовой предаваться любовным утехам средь бела дня в качающейся лодочке, Чуньлань закономерно стала его главным кандидатом.

Красавица уже видела сладкие сны, когда снаружи раздался подозрительный шорох. Она

только приподнялась, собираясь приказать служанке проверить покои, как дверь распахнулась, и внутрь ворвался невзрачный силуэт в темном одеянии евнуха. Девушка едва не закричала от ужаса, но в следующее мгновение разглядела в полумраке до боли знакомое, смазливое лицо своего господина.

Страх тут же сменился кокетливым восторгом. Даже не поинтересовавшись, с чего бы Сыну Неба разгуливать в столь неподобающем наряде, Чуньлань с нежным воркованием обвила его шею своими изящными руками.

Чжао Цзи слегка похлопал девушку по плечу и, склонившись к ее аккуратному ушку, торопливо зашептал свои указания.

Выслушав странную просьбу императора, Чуньлань окинула его весьма озадаченным взглядом, но в конце концов покорно кивнула.

Спустя пару минут у ворот обители наконец показалась запыхавшаяся кучка евнухов.

Услышав их приближение, Чжао Цзи понял: настал час для настоящего актерского мастерства! Он зычно рявкнул в сторону двери:

— Прочь!

Распознав грозный императорский голос, слуги облегченно перевели дух. Но следом их осенила страшная мысль, от которой их лица мгновенно приобрели землистый оттенок. Великое небо, да ведь в стране до сих пор длится траур по покойному государю! Ваше Величество! Траур же! А вы, нацепив рваньё евнуха, тайком прокрались в покои любимой наложницы! Что вы творите?!

Чуньлань грациозно выглянула за порог, сделала знак одной из служанок войти внутрь, а затем одарила топчущихся во дворе слуг многозначительным, полным кокетства взглядом:

— И на что мне сдались ваши кислые мины? А ну, брысь отсюда! Государь просто изволит отдыхать у меня, ничего предосудительного он делать не станет. Хи-хи-хи...

Евнухи застыли в немом ступоре.

"Побойтесь богов, госпожа! Приложите руку к сердцу — вы сами-то верите в то, что Его Величество пришел сюда просто посидеть? И если верите, то отчего так призывно и радостно хихикаете?!"

Наложница Го буквально сияла от счастья при мысли, что именно ей посчастливится стать первой женщиной, удостоенной высочайшей милости нового владыки. Кому какое дело до какого-то там траура? Во всей Поднебесной воля императора — закон.

"Ах, ну как она, слабая, незащищенная женщина, сможет противиться его августейшему напору? Хи-хи-хи..."

Будучи свято убежденной, что бурная ночь неизбежна, Чуньлань была не против даже самых смелых любовных забав, пусть даже в них примут участие три человека или больше. Главное — государь остался ночевать именно у нее. Раз император велел позвать еще одну служанку, она без тени сомнений позвала дополнительную девицу.

Служанка торопливо проскользнула в спальню. Но стоило двери закрыться, как под замороженными, полными трепетного ожидания взглядами обеих девиц Чжао Цзи резко взмахнул руками и без лишних церемоний отправил обеих в глубокий обморок.

Быстро содрав с бесчувственной служанки ее платье, он спешно натянул его на себя. Затем бережно перетащил обеих девиц на просторное ложе, укрыл одеялом и плотно задернул шелковый балдахин, создавая иллюзию, что внутри сладко спят наложница и ее наперсница. Напоследок Чжао Цзи набрал в грудь побольше воздуха, прижал ладони к лицу и с притворными горькими рыданиями выскочил за дверь.

Правда, даже в такой спешке он не позабыл плотно притворить за собой створки.

Столпившиеся у порога евнухи, заведя выбегающую служанку в слезах и взъерошенном платье, мгновенно навоображали себе таких пикантных подробностей, от которых покраснели бы даже издававшие виды стены гарема. Смущенно отведя взгляды, они не посмели задержать «девицу».

Благополучно миновав лабиринты внутренних дворов, Чжао Цзи добрался до Ворот Полярной Звезды. Он задрал голову, оценивая высоту массивной каменной стены — на вид метров десять. Набрав в грудь побольше воздуха, он резко толкнулся обеими ногами от земли.

С первой попытки взлететь на самый верх не удалось: когда до края оставалось всего ничего, тело начало терять инерцию. Не желая мириться с неудачей, Чжао Цзи прямо в падении ухитрился перегруппироваться, с силой оттолкнулся ступнями от гладкой кладки стены и за счет этого дополнительного толчка выбросил руки вперед, намертво вцепившись пальцами в самый козырек.

Подтянувшись на руках, он легко перемахнул через парапет и бесшумно спрыгнул по ту сторону стены, мягко спружинив при приземлении.

Всего в нескольких вершках от стены простиралась темная гладь крепостного рва. Скрываясь в густых ночных тенях, Чжао Цзи скользнул к Воротам Полярной Звезды. Выждав удобный момент, когда груженная бочками телега золотарей заблокировала обзор стражникам, он шмыгнул в слепую зону и окончательно вырвался на свободу.

Время было еще не слишком поздним: в сунскую эпоху город делился на кварталы, и во многих

торговых районах ночного дозора не выставляли.

Облаченный в скромный наряд дворцовой служанки, Чжао Цзи шел по улицам, расспрашивая редких прохожих, и по чистой случайности — словно слепая кошка, набредшая на дохлую мышь — умудрился отыскать усадьбу рода Ли. Привратник открыл ему калитку, но челядь лишь растерянно разводила руками: никто в доме понятия не имел, куда запропастился их молодой хозяин.

Но раз уж он проделал такой путь, уходить с пустыми руками не хотелось. Чжао Цзи попытался зайти с другой стороны:

— Быть может, вы хотя бы знаете, почему господин призер Ли так спешно уехал?

Слуга окинул гостью сочувственным взглядом — очевидно, приняв заплаканную «девицу» за очередную несчастную влюбленную, явившуюся искать его господина, — и негромко пояснил:

— Вчера к молодому хозяину заходил господин Лун. Кажется, он просил сосватать ему одну девицу. Хозяин согласился помочь, а сегодня поутру его и след простыл.

Чжао Цзи застыл на месте, переваривая услышанное. Кое-как поблагодарив слугу, он развернулся и медленно побрел прочь, растворяясь в глубоком мраке длинного пустынного переулка.

Похоже, больше не оставалось сомнений: это не просто совпадение имен.

Даже детали этой истории сходились с пугающей точностью...

Хотя нет, он должен сделать последнюю попытку.

"Я обязан проверить! Просто чтобы убедиться раз и навсегда..."

Если именно визит Лун Сяюня заставил Ли Сюньхуаня пуститься в бега, и если сюжет романа разворачивается точь-в-точь по канону, то беглый таньхуа сейчас наверняка скрывается в Павильоне Десяти Тысяч Цветов! Чжао Цзи не знал, существует ли такое заведение в Кайфэне, но все же направился в сторону квартала красных фонарей.

Окончательно позабыв о том, что на нем красуется наряд императорской служанки, Чжао Цзи в полном смятении добрался до злачной улицы и схватил за рукав первого встречного прохожего, чтобы спросить дорогу к Павильону Десяти Тысяч Цветов.

И надо же — этот бордель действительно существовал в этом городе!

Ошарашенный Чжао Цзи даже не обратил внимания на выпученные от изумления глаза прохожего. Словно во сне, он припустил в указанном направлении. Возможно, от бешеного бега его мозгу просто перестало хватать кислорода.

После минутной растерянности его сердце вновь забилося в бешеном темпе. Чем ближе он подходил к заветному месту, тем неистовее колотилось в груди, словно испуганный олень.

"Если этот Ли Сюньхуань окажется обычным тезкой, что ж, буду считать все это красивым сном. Вернусь во дворец и продолжу унылую чиновничью пахоту в режиме девять-девять-шесть, пытаюсь спасти Великую Сун от неминуемой гибели".

"Но если это действительно мир великих мастеров клинка, и предо мной предстанет настоящий Малютка Ли... О, тогда я костями лягу, но стану для него идеальным тылом. А если повезет — заслужу его дружбу".

В этой безумной тяге сплелись воедино и наивные юношеские грезы о вольном цзянху, и глубокое, выстраданное уважение взрослого уставшего работяги к безупречному благородству Ли Сюньхуаня.

Многие называли бы его безграничное милосердие и жертвенность глупой блажью или синдромом мученика, но именно эта жертвенность была тем проявлением величия духа, на какое способны лишь единицы среди миллионов. Пусть обыватели ворчат на его извечную привычку страдать ради других — со стороны невозможно было не преклоняться перед стержнем этого человека.

Чжао Цзи обрел то, чего ему так не хватало все это время — смутную, но яркую надежду. Он сделал этого внезапно материализовавшегося героя своей духовной опорой. Воодушевленный, он ворвался на порог Павильона Десяти Тысяч Цветов.

Но едва он занес ногу над порогом, как путь ему преградил крепкий зазывала, который больше не мог молча наблюдать за этим странным зрелищем.

— Слышь, девка, ты куда прешь? — недовольно буркнул мужчина, окинув его оценивающим взглядом.

И впрямь: на Чжао Цзи красовалось роскошное платье дворцовой служанки из тончайшего шелка. По одному только крою было ясно, что перед ним — не простая кухонная девка, а особа, приближенная к покоям знати. На вид ей едва ли можно было дать больше шестнадцати: личико свежее, нежное, краше иных местных кокоток. Зазывала мог подумать лишь об одном: девица явилась сюда устраивать скандал или бить посуду.

Только сейчас Чжао Цзи сообразил, насколько дико выглядит его попытка напролом вломиться в публичный дом в женском платье.

Он поспешно потупил взор, изображая крайнее смущение, и лихорадочно принялся сочинять ложь на ходу.

Взгляд его случайно упал на шелковый кошель, висевший на поясе — тот самый, что принадлежал бедной служанке. В голове мгновенно вспыхнула гениальная идея.

"Ну что ж, время для актерского триумфа!"

Придав лицу оттенок надменности, подобающий служанке из знатного дома, он заговорщически прошептал:

— Моя госпожа — любимая супруга самого... высокопоставленного господина во дворце. До нее дошли слухи, что дева Линь Сяньэр искушена в изящных искусствах и каллиграфии. Вот меня и послали тайно разузнать, не согласится ли она дать моей госпоже несколько уроков.

Имя Линь Сяньэр гремело на весь город, и подобные просьбы о «наставничестве» со стороны благородных дам случались и прежде. Однако знатные особы всегда действовали тайно, присылая доверенных слуг под покровом ночи. Никто из них не ломился напролом, подобно этой глупой девчонке! И все же, помня о щедрых подношениях от прошлых просительниц, зазывала сменил гнев на милость:

— Коли желаешь просить уроков у девы Сяньэр, то как быть с платой? Сама понимаешь, дело это недешевое...

— О деньгах можете не беспокоиться! — поспешно заверил Чжао Цзи. — Если дело выгорит, моя госпожа осыплет вас золотом!

Мужчина ухватил его за плечо и отвел в сторону:

— Тогда нечего тебе у всех на виду маячить. Идем в обход, через задний двор. Покажу тебя хозяйке, и ежели она даст добро — пройдешь.

Чжао Цзи послушно опустил голову и бесшумно последовал за ним в боковую калитку. Вскоре его привели пред очи содержательницы заведения.

Выслушав сбивчивый рассказ проводника, старая матушка недовольно покачала головой:

— Сяньэр сейчас занята. У нее гость.

«Гость? Неужели сам Ли Сюньхуань?» — у Чжао Цзи перехватило дыхание от волнения. Заметив, что сводница вот-вот укажет ему на дверь, он выпалил последний козырь:

— Моя госпожа — из благородного лоянского клана Го!

Это была чистой воды импровизация.

Просто в последнее время Чжао Цзи стал замечать, что наряду с могущественными родами Ван, Се и Чжу, семейство Го также обладало огромным весом в столице. Пусть наложница Го Чуньлань происходила из захудалой боковой ветви, громкое имя предков все еще служило отличным щитом.

И надо же — уловка сработала безупречно! Сам Павильон Десяти Тысяч Цветов, как оказалось, стоял на земле, принадлежавшей влиятельному семейству Го.

Разумеется, хозяйка борделя не могла позволить себе ссориться с хозяевами земли.

Помявшись, она неохотно произнесла:

— Что ж, обожди здесь. Я поднимусь к деве Сяньэр и спрошу ее мнения. Но помни: решать будет она сама.

<http://bllate.org/book/18987/1874134>